

Символика власти, а именно царская геральдика, стала предметом изучения в статье М. Перри, рассмотревшей восприятие образа орла на российском гербе промосковскими кругами населения Левобережной Украины и старообрядцами Дона. По мнению автора, украинцы видели в изображении на гербе библейский образ орла-покровителя из Второзакония (Втор. 32:11). Донские старообрядцы во главе с их идейным руководителем попом Самойлом тоже смотрели на герб сквозь призму библейских символов, но усматривали в нём орла-угнетателя из третьей книги Ездры (3 Ездр. 11), отождествлявшегося первыми христианами с римским императором, а старообрядцами с царём Алексеем Михайловичем (с. 235–237).

Тема законности и её соблюдения в России второй половины XVII в. нашла отражение в статье П.В. Седова. Автор отходит от прокламируемого во многих трудах по истории права подхода, заключающегося в абсолютизации официального законодательства, и осуществляет исследование практики правоприменения на материалах делопроизводства двух монастырей. Вывод автора идёт вразрез с традиционными представлениями о России как государстве, где не соблюдаются законы и торжествует правовой нигилизм. Законы, с точки зрения Седова, российские чиновники знали, но вынуждены были соизмерять обыденное понимание закона населением с провозглашённым писаным правом, результатом чего и были коррупция и волокита (с. 250–251).

С.В. Мирский подготовил к печати и прокомментировал письмо польского наемника Яна Вислоуха, содержащее описание похода Лжедмитрия I в первой

половине 1605 г. Автор отмечает важность сохранившихся в письме сведений о широких масштабах первого заговора Шуйских, в котором, по его словам, участвовали «десять тысяч сынов боярских» (с. 262). Завершает сборник публикация Н.В. Рыбалко и И.О. Тюменцевым девяти писем касимовского царя Ураз-Мухаммеда Я. Сапеге, относящихся к декабрю 1608 – маю 1609 г. Из них становится ясно, что Ураз-Мухаммед перешёл на сторону «тушинского вора» после подтверждения прав на прежние владения служилых татар и получения в вотчины и поместья целых волостей и станов в Углицком, Владимирском и Романовском уездах.

Подводя итоги, отметим актуальность рассматриваемых в сборнике проблем, многие из которых были впервые поставлены в трудах Р.Г. Скрынникова. Преемственность идей учителя и его учеников и последователей свидетельствует о его значительном вкладе в развитие в российской историографии научного направления по исследованию социально-политической истории XV–XVII вв.

**В.А. Аракчеев**

## Примечания

<sup>1</sup> Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974; Кун Т. Структура научных революций. М., 1977; Фуко М. Слова и вещи. М., 1977; Философия и методология истории. М., 1977; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980; Поннер К.Р. Логика и рост научного знания: Избранные работы. М., 1983; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

<sup>2</sup> Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М., 1977. С. 182.

## **Н.-Н. Nolte. Geschichte Rußlands. Mit zahlreichen Karten, Schaubildern und Tabellen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2012. 576 S.\***

Ханс-Хайнрих Нольте – выдающийся немецкий учёный, изучающий историю России, доктор, профессор, много лет руководивший семинаром по Восточно-

Европейской истории Ганноверского университета. Основатель и бессменный главный редактор журнала «Zeitschrift für Weltgeschichte» с 1998 г., он стал ор-

\* Х.-Х. Нольте. История России. С многочисленными картами, графиками и таблицами. Штутгарт: Изд-во Филиппа Реклама мл., 2012. 576 с.

ганизатором и руководителем «Общества по изучению всемирной истории», аккумулируя вокруг себя исследователей из различных стран Европы и Америки. Интерес к нашей стране и русскому языку привил ему отец, в 1941 г. участвовавший в сражениях на Восточном фронте, потерявший на войне четырёх братьев и нашедший в себе мужество извлечь уроки из кровавой трагедии XX в. Х.-Х. Нольте неоднократно посещал Россию, выступал с докладами на совместных российско-германских конференциях, читал лекции в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Воронежа, Казани, Кемерово, Липецка и Томска. Все это дало учёному материал для сопоставлений, позволило в своих выводах, относящихся к новейшему периоду российской истории, опираться в том числе и на собственные наблюдения.

Ещё в 1972 г. исследователь опубликовал книгу «Германская история в советских школьных учебниках»<sup>1</sup>. В период холодной войны его чрезвычайно интересовало, как у молодёжи СССР формируются знания о Германии, с которой были связаны самые печальные воспоминания нескольких поколений советских людей. В книге о германской агрессии против Советского Союза, вышедшей к 50-летию начала Великой Отечественной войны, он подчёркивал, что после окончания противостояния между СССР и западными державами и преодоления раскола Германии нужно «шаг за шагом осуществлять великую цель» – «единение и мирное добрососедство на Востоке», с тем чтобы немцы и русские сотрудничали в деле созидания «единой Европы – в духе доверия и партнёрских отношений»<sup>2</sup>.

Будучи убеждённым последователем знаменитого историка Отто Хётча, основателя Германского общества по изучению Восточной Европы<sup>3</sup>, Нольте излагает события максимально непредвзято, с глубокой симпатией к России. Рецензируемый труд, состоящий из 26 глав, является значительно расширенным и дополненным вариантом «Краткой истории России», написанной им 15 лет назад для студентов-гуманитариев, стремившихся познакомиться со страной, до недавнего времени закрытой от мира.

В первой главе автор описывает природные условия России, акцентируя внимание на отсутствии в ней естественных труднопреодолимых границ, на её просторах, продолжительность зимы, суровый климат на севере и засушливый – на юге, что и сегодня делает сельское хозяйство в нашей стране тяжёлым и рискованным занятием (S. 17–22). Затем историк показывает процесс становления основ российской государственности, внутреннюю борьбу между князьями, влияние Церкви на социальную структуру Киевской Руси, вплетая в масштабные события картины повседневности. Исследователь объясняет различные термины, в частности, обозначающие формы собственности и категории зависимого населения (вотчина, холопы, смерды, челядь и т.д.), подробно описывает церковные праздники.

Автор последовательно сопоставляет развитие России и Запада. Касясь дискуссии о времени формирования и роли городов на западе и на востоке Европы, он справедливо указывает, что их развитие на Руси существенно замедлилось в результате монгольского ига, последствием которого стало и значительное усиление в стране роли государственного аппарата (S. 62). Значимым, на мой взгляд, представляется проводимое в книге сравнение завоевания Португалией и Испанией Южной и Центральной Америки, с освоением Русским государством Сибири. Существенным отличием русской колонизации от западной Нольте считает, в первую очередь, создание русскими щита от набегов кочевников и расширение торговли России с азиатскими странами (S. 66). Одной из важнейших теоретических разработок автора является мысль о различиях между центром, полупериферией и периферией огромной территории Российского государства<sup>4</sup>. Историк констатирует, что, несмотря на постоянное укрепление центральной государственной власти, на периферии существовали относительная свобода и самостоятельность (S. 77, 136, 158).

Нольте вписывает историю России в рамки всеобщей истории, анализирует взаимодействие событий, происходивших в нашей стране и мире. Интересны сравнительная таблица сходства и разли-

чий между Россией и Западной Европой в XVII столетии (S. 81), сопоставления уровней их индустриального и социального развития к 1913 г. (S. 162). Излагая отдельные исторические факты, исследователь проводит временные параллели, например, говоря об Александре Невском, тут же упоминает и об ордене его имени, учреждённом в 1942 г. и свидетельствующем о значимости патриотических традиций для отражения фашистской агрессии (S. 44–45).

Автор анализирует процесс формирования и восприятия образа «чужого» на протяжении всей российской истории и отмечает существенную, с его точки зрения, черту этого процесса – наличие толерантности и взаимодействия между различными этносами государства. В книге содержатся краткие характеристики многочисленных наций и народностей, постепенно входивших в орбиту российского влияния (татары, остзейские и поволжские немцы, кавказские народы и др.). Немецкий читатель, таким образом, погружается в мозаичный мир различных языков, религий, обычаев и повседневных жизненных практик, которые не встречаются в такой многообразии в истории Западной Европы (S. 67–68, 118–120, 139–141). Конечно, автор особо останавливается на появлении с XV в. в России немцев, сначала как купцов, ремесленников, врачей, а при Екатерине II – приглашённых ею переселенцев, основавших многочисленные колонии на Волге. Нольте знакомит читателя с условиями переселения, подчёркивая, что в результате было сформировано «особое сословие в русском социальном устройстве» (S. 119).

Отдельного внимания заслуживает обращение немецкого исследователя к истории Второй мировой войны. Историк утверждает, что «ни политики, ни военные круги Германии не опасались советского нападения», а план «Барбаросса» должен был привести «к уничтожению России как государства». Он подчёркивает, что заранее готовился «комплекс преступных приказов», «война с самого начала была запланирована как грабительское мероприятие» (S. 256–259)<sup>5</sup>. В главе «Немцы в Сталинграде, русские в Берлине» автор пишет, что на занятых фашистами

территориях СССР проводилась политика уничтожения, приведшая к голоду и смерти миллионов гражданских лиц. Южные районы Советского государства предполагалось ориентировать на производство зерна для Рейха, северные как неперспективные для освоения – очистить с помощью голода (S. 260). Германия нуждалась в рабочей силе, и с этой целью около 2.8 млн «восточных рабочих» заменили немецких, отправленных на фронт (S. 258–261). По мнению Нольте, в карательных операциях, расстрелах, в поддержке айнзацгрупп и формирований СС систематически участвовал и вермахт. Отдельную главу историк посвящает запланированному немцами ещё до начала войны Холокосту в СССР.

Изложение событий российской истории доведено в книге до 2005 г. Логическим её завершением служит раздел «Вклад России в мировую историю». Quo vadis, Rußland? – спрашивает автор. Ответ на этот вопрос, по его словам, остаётся открытым и находится «между опасением и надеждой»: «Будет ли Россия осуществлять шаги по направлению к демократии, в условиях, когда Запад требует реализации прав человека, но одновременно поддерживает диктаторские режимы в нефтедобывающих странах? Решать этот вопрос будут сами русские» (S. 478).

Большинство глав книги заканчивается краткими биографиями исторических персонажей, которые, по мнению автора, отражают дух эпохи. Так, рассказ о революции 1905 г. сопровождается жизнеописаниями В.Н. Фигнер, Л.Н. Толстого и П.А. Столыпина (S. 165–167), знаковыми фигурами революционных потрясений 1917 г. для автора стали В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и А.М. Коллонтай (S. 186–189). В главе, посвящённой периоду индустриализации, помещены биографии жившего в России швейцарского коммуниста Ф. Платтена, известного историка Н.М. Дружинина и поэтессы А.А. Ахматовой (S. 246–248). Воплощением конкретных человеческих судеб, перемолотых безжалостной машиной уничтожения в годы Великой Отечественной войны, являются биографии пережившей еврейские погромы и закончившей войну в партизанском отряде Л. Абрамович из Слонима,

отправленной на принудительные работы в Германию А. Третьяк, и попавшего в плен 14 сентября 1941 г. солдата Ф.Е. Кожедуба (S. 268–270).

Подробно описывая новые исторические методы современных учёных, Нольте напоминает об ответственности каждого, кто берёт на себя труд излагать «большую» историю. Очень важна его мысль о том, что историк только «рассказчик» прошлого, необходимы «малые» истории с собственной хронологией и фактическим наполнением. Тысячелетнее прошлое такой огромной страны, как Россия, разнообразно и многогранно и не может быть втиснуто в рамки устоявшихся и зачастую ошибочных клише. «В моей научной работе, – признаётся автор, – я всегда стараюсь изменить немецкие ошибочные представления о России и поддержать примирение Германии со всеми восточными соседями» (S. 271–272). Чрезвычайно важен для западного историка вывод: «Мы не можем составить для себя правильного понимания о мире, если мы не понимаем Россию» (S. 478).

В издании имеются внушительный перечень источников и литературы, библиография по темам, список географических названий. Труд снабжён подробными картами и таблицами. Отдельным приложением в книге даны материалы о родах

Рюриковичей и Романовых, о династических браках, наглядно демонстрирующих тесную связь истории, политики и конкретных человеческих судеб Германии и России.

**Н.Э. Вашкау**

## Примечания

<sup>1</sup> Nolte H.-H. Deutsche Geschichte im sowjetischen Schulbuch. Göttingen, 1972.

<sup>2</sup> Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. 1941. Text und Dokumentationen. Hannover, 1991. S. 7.

<sup>3</sup> См. подробнее: Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). М., 2004. С. 519–546.

<sup>4</sup> Подробнее см.: Nolte H.-H. Zentrum und Regionen in Rußland // Innere Peripherien im 20. Jahrhundert. Stuttgart. 1997.

<sup>5</sup> Нольте неоднократно писал об ответственности Германии за преступное развязывание войны на уничтожение. См., например: Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion... В 1991 г. он организовал международную конференцию, посвящённую германской агрессии против СССР. Наряду с немецкими историками в ней участвовали Алесь Адамович и Михаил Гефтер. См.: Der Mensch gegen den Menschen. Überlegungen und Forschungen zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion 1941. Hannover, 1992.

## **Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe / Ed. by M.D. Steinberg and V. Sobol. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2011. VIII, 303 p.\***

Уже не один год исследователи ведут речь об «эмоциональном повороте» в историографии. По образному выражению Яна Плампера, современная исследовательская литература по гуманитарным дисциплинам «переполнена эмоциями»<sup>1</sup>. Пока сложно говорить, приведёт ли это к столь же значительным сдвигам, как знаменитый лингвистический поворот, но усиление внимания к различным аспектам эмоций в истории несомненно<sup>2</sup>.

Возникнув на материале зарубежной истории, мода на изучение эмоций в 2000-е гг. распространилась и на историю российскую. В 2003 г. специальная конференция по истории эмоций в России была проведена в Чикагском университете. В 2008 г. в Москве состоялась конференция «Эмоции в русской истории и культуре»<sup>3</sup>. Заметным явлением в этом ряду стала конференция, организованная летом 2008 г. Русским, Восточно-Европейским

\* Интерпретируя эмоции в России и Восточной Европе / Под ред. М.Д. Стейнберга и В. Соболя. Де Калб: Издательство университета Северного Иллинойса, 2011. VIII, 303 с.